

Д. Фурман

РОССИЯ, СНГ И ЕС

При создании СНГ оно мыслилось как аналог ЕС, и на протяжении истории Содружества пример успешной европейской интеграции постоянно стоял перед глазами его участников как «вызов» и стимул. Между тем судьба Содружества, находящегося в состоянии «полураспада», резко отличается от судьбы все более тесно интегрирующегося и неуклонно расширяющегося объединения европейских государств. Для стран СНГ ЕС все больше становится не столько примером для подражания, сколько альтернативным центром притяжения, и вряд ли можно сомневаться, что следующие «волны» расширения ЕС (как и идущего параллельно расширения НАТО) начнут захлестывать и территорию СНГ.

Интеграция больших и сильных с маленькими и слабыми

Различие судеб двух группировок тем более разительно, что внешне, формально, задачи интеграции стран СНГ были значительно легче, чем стран ЕС. Собственно, перед Содружеством, которое представляло собой объединение стран, только что вышедших из предельно интегрированной системы СССР, такие задачи и не стояли. Главной заботой СНГ было не столько создавать новые связи, сколько не растерять существующие (хотя бы не все) во время общего перехода к новой политико-экономической системе, наполнить их новым содержанием.

Однако на деле оказывается, что такая трансформация связей в СНГ - неизмеримо труднее, чем включение в ЕС стран, еще недавно имевших предельно далекие от систем стран ЕС советские системы. Интеграция государств Балтии в ЕС оказалась проще, чем интеграция в СНГ даже таких близких структур, как Россия, Украина и Белоруссия. Ввести единую валюту в ЕС оказалось делом более легким, чем не только во всем СНГ, но и в Союзе России и Белоруссии. И это при том, что переговоры о валютном объединении России и Белоруссии начались практически сразу после введения ими национальных валют в 1993 г., а переговоры о единой валюте датируются 1994 г.!

Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Почему же судьбы СНГ и ЕС столь различны? Какие непреодолимые препятствия мешают интеграции в СНГ? Для чего вообще оно нужно и какова его роль? Как же связаны будущее нашей страны и будущее СНГ? Попробуем дать ответы на эти вопросы.

Наиболее простое и «бросающееся в глаза» различие ЕС и СНГ - разные величины (размеров территории, численности населения, масштабов экономики и т.д.) входящих в эти объединения стран.

В ЕС ряд ведущих и относительно равновеликих государств (Великобритания, Франция, Германия, Италия) объединен со странами, меньшими по численности населения и экономической мощи, а также совсем маленькими, вроде вступивших сейчас в ЕС республик Балтии, Словении, Мальты. В этом сообществе нет основной, центральной «нации-государства». Европейские институты функционируют по принципу: «один человек - один голос», и это позволяет маленьким странам надеяться, что их голос всегда будет услышан.

Более того, вследствие противоречий между ведущими государствами ЕС он теоретически даже может приобрести не соразмерное их удельному весу значение (подобно тому как в не слишком устойчивой правительственной коалиции подчас несоразмерно значим голос какой-либо маленькой партии). Поэтому утрата самобытности и самостоятельности, которой опасаются маленькие страны ЕС, связана с подчинением не какой-то другой, более сильной, «нации-государству», а лишенным национального «лица» общеевропейским праву и властям.

Такое специфическое соотношение сил стран-участниц - один из важных факторов, способствующих успеху ЕС. В ином случае интеграция наталкивалась бы на колоссальные трудности. Представим себе, например, союз, в который входили бы не Германия, Англия, Франция и т. д., а, например, Германия, Австрия и Люксембург. Найти приемлемую для всех трех стран форму интеграционного объединения было бы практически невозможно. Если в нем вопросы решались бы на основе принципа равенства голосов, это означало бы, что крохотный Люксембург, внося в «общую копилку», дай Бог, одну десятую, имел бы такие же права распоряжаться ею, как и вносящая семь десятых Германия.

Однако такое - эксплуатация маленьким и слабым большого и сильного - просто невозможно. Наоборот, любая другая интеграция, где при принятии решений учитывалась бы разница «весовых категорий» участников, вела бы к утрате самостоятельности меньшим участником, его подчинению более сильному. Так что в нашем примере объединение Германии, Австрии и Люксембурга на основе принципа «одна страна - один голос» может означать только присоединение маленьких стран к Германии.

Между тем соотношение «весовых категорий» в СНГ ближе к соотношению их не в ЕС, а в фантастическом союзе Германии, Австрии и Люксембурга. В СНГ входят 12 стран, из которых одна, Россия, больше и сильнее (по всем измерениям) всех других, вместе взятых.

СНГ - третья историческая форма объединения «российского имперского пространства» (вторая - СССР), сохраняющая основное соотношение национальных общностей, которое возникло в российской империи, расширявшейся в отличие от колониальных империй западноевропейских стран не «заморскими» завоеваниями, а постепенным подчинением сильному русскому государству разных маленьких и слабых соседних государств и народов. Это соотношение устойчивое и не зависящее от изменения форм организации имперского пространства.

Если данное пространство сохраняет единство, в чем бы таковое ни заключалось и как бы ни было идеологически осмысленно и организационно оформлено, в нем есть большое русское «ядро» и разношерстная «инородческая периферия». Именно это соотношение «этнических сил» накладывает ограничения на любые формы организации пространства, преобразует их в соответствии со своей логикой, что очень ярко проявилось при переходе от имперской к советской форме организации.

Российская империя развалилась в результате революции, и на ее окраинах возникло множество в основном слабых и непрочных государственных образований народов, ранее входивших в империю¹. Однако большевики смогли восстановить единство российского имперского пространства не только в силу слабости этих образований. Им удалось прежде всего «разоружить» национальные движения, предложив принципиально новую форму национальных отношений - основанную не на господстве и подчинении, а на полном равенстве наций.

Можно сказать, что большевики смогли восстановить империю именно потому, что не хотели ее восстанавливать, рассматривая создаваемое ими государство как новую форму империи, как союз равноправных народов - зародыш будущего всемирного государства. Они даже не указали на его национальную, историческую или географическую принадлежность - просто Союз Советских Социалистических Республик.

Между тем дальнейшая эволюция созданного большевиками государства убедительно показала, что логика соотношения этнических сил сильнее даже вызывавшей квазирелигиозную веру интернационалистической идеологии. Чтобы сохранить и упрочить Союз, создать модель будущего всемирного единства народов, большевики готовы были идти на ущемление интересов России и русских, на ту эксплуатацию сильного слабыми, которая, естественно, возникает при признании их равноправия. За добровольность объединения, за согласие народов на

¹ Слабость этих государственных образований была связана, прежде всего, с тем, что в большинстве из них формирование современных наций либо еще не началось, либо было еще на самых ранних этапах. Те народы, которые уже превратились в нации современного типа (нации грамотных) - поляки, финны и народы Балтии, создали жизнеспособные государства, и большевики не смогли включить их в складывавшееся ими новое государство.

включение в СССР Россия и русские платили многим и разными формами самоограничения - от распределения ресурсов в пользу национальных республик до передачи им территорий с русским большинством населения.

Однако созданное большевиками государство - совершенно независимо от его идеологии, просто в результате соотношения в нем этнических сил - не могло не превратиться в новое «издание» Российской империи. Ведь все равно в этом государстве был нужен единый язык, и им мог быть только русский, столицей его могла быть только Москва, в элите его должны были доминировать русские. И очень скоро оно стало восприниматься не столько как прообраз будущего всемирного объединения равноправных народов, сколько как преемник великой империи, ее новое воплощение (чем оно и было на деле).

«Естественная» форма организации российского пространства «проступала» сквозь советские формы, как старая фреска проступает сквозь наложенную на нее новую краску. Эта «естественная» форма - подчинение России множества окраинных народов при сохранении разных степеней и форм их автономии, которая была неизбежна в силу культурных различий, делающих невозможной полную унификацию управления, но постепенно ограничивалась по мере русификации.

Именно такой тип управления имперским пространством существовал в Российской империи, и именно он был воссоздан в СССР с его сложной иерархией формальных и реальных автономий². (И он же в меньших масштабах воспроизводится в постсоветской Российской Федерации, в которой в иных пропорциях сохраняется основная структура имперского пространства - российская «основа» и разношерстные «инородческие» вкрапления³.)

Как и в Российской империи, в СССР шли параллельно два противоположных процесса - русификация и становление из народов «окраин им-

² Естественно, что союзные республики не были равноправными (но они и не были подчиненными в той же степени, как русские области). Фактически они были именно автономными, причем реальная степень и реальные сферы автономии в каждой республике были разными. Иерархия союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов более или менее соответствовала реальной иерархии демографического, культурного и экономического «веса».

³ При всем стремлении современной российской власти к централизации и унификации национальные республики в составе РФ просто не могут управляться так, как русские области, и в них возникают реальные, разные для разных республик и практически не зависящие от формальной организации, формы и степени автономии, они становятся «вассальными княжествами». Наиболее ярко это видно на примере Чечни, движение которой за независимость было подавлено в кровопролитных войнах, но в которой под руководством федерального ставленника А. Кадырова фактически восстанавливалась та же степень автономии, к которой в начале чеченского движения стремился Д. Дудаев. Калмыкия К. Илюмжинова, Татарстан М. Шаймиева занимают в РФ приблизительно то же положение, которое в СССР занимали Узбекистан Ш. Рашидова или Казахстан Д. Кунаева.

перии» современных жизнеспособных наций⁴. В конечном счете, второй процесс оказался сильнее, и СССР распался.

Однако, хотя степень жизнеспособности окраинных наций и государств в 1991 г. была во много раз выше, чем в 1917 г., распад СССР для большинства республик наступил слишком быстро и неожиданно, готовности к совершенно самостоятельному существованию у них еще не было. Вот почему сразу же за распадом СССР оформляется СНГ - третья историческая форма организации все того же российского имперского пространства.

Можно как угодно и даже совершенно искренне провозглашать равноправие входящих в СНГ стран (большевики вначале декларировали равенство народов еще более искренне), но на этом пространстве объективно есть одна «главная» страна - Россия. Можно объявить столицей Минск, но реальной столицей все равно будет Москва. Общий язык здесь - все равно русский. Значит, неизбежно восстанавливаются те же проблемы и те же процессы, которые были характерны и для СССР, которые имманентны этому пространству.

При существующем соотношении сил добровольное равноправное объединение на постсоветском пространстве может основываться лишь на самоограничении России, на эксплуатации сильного слабыми. Как и в советское время, за добровольность приходится платить. Россия платит продажей энергоносителей по низким ценам, невмешательством даже при грубейших формах дискриминации русских меньшинств, как в Туркмении, передачей вооружения и т.д. Поэтому отношения в СНГ складываются на совершенно иной основе, чем в ЕС. В Содружестве возможны либо объединение «вокруг» России (достигаемое подчинением ей других стран), либо подчинение самой России, позволяющей себя эксплуатировать, либо какая-то сложная форма сочетания того и другого, либо «разбегание» от России.

Интеграция «бывшего начальника» с «бывшими подчиненными»

Препятствия к интеграции в СНГ из-за разницы «весовых» категорий входящих в него стран и народов возникли бы, даже если эти народы никогда не входили бы раньше в единое государство, т.е. начинали «с чистого листа». Однако СНГ - организация, возникшая отнюдь не на «пустом месте», отношения ее членов строятся не с «чистого листа», а изначально слишком сложные.

⁴ И тот, и другой процессы зашли достаточно далеко, и это привело при развале СССР к очень причудливым результатам - возникновению жизнеспособных национальных государств у в высшей степени русифицированных народов (Украина, Белоруссия, Казахстан). Белорусы сейчас живут в государстве, не сопоставимом по прочности с эфемерной республикой 1918 г., но тогда они говорили на белорусском языке, а сейчас - на русском.

Исторические отношения между странами ЕС - тоже далеко не дружеские. На протяжении веков они только и делали, что воевали друг с другом. В какой-то мере память о прошлых обидах сохраняется и сейчас. Правда, в целом, как мощь отдельных стран здесь уравнивает друг друга, так и взаимные обиды уравниваются и «гасятся». Члены ЕС никогда раньше не состояли в едином государственном образовании, и уже поэтому их отношения могут в значительной мере начинаться с «чистого листа».

Совершенно иная ситуация в СНГ, где устойчивому соотношению сил на исторически сложившемся пространстве соответствует и устойчивая структура взаимоотношений между странами-членами. Россия - не просто самое большое государство на этом пространстве. По численности населения и экономической мощи она равна остальным странам-партнерам вместе взятым. Ее народ привык видеть свое государство в качестве великой мировой державы, а себя - господином, как в царское время, или «старшим братом», как в советскую эпоху, входящих в нее народов.

Распад соцлагеря и СССР, происшедший для большинства советских людей неожиданно, без достаточной психологической подготовки, привел к резкому падению статуса России и шокировал ее граждан. Оказавшись в СНГ, она почувствовала себя как человек, который неожиданно «слетел» с начальственной должности, но вынужден каждый день общаться с другими руководителями и с бывшими подчиненными. Это болезненно, способствует развитию неврозов и мешает установить нормальные «рабочие» отношения.

У «бывшего начальника» сохранились старые привычки командовать «подчиненными» и разговаривать с другими высокостатусными фигурами на равных. Теперь же он на каждом шагу сталкивается с обидными, ранящими его самолюбие обстоятельствами. Другие «начальники», сохранившие свои места, перестают звать его на «тусовки», а когда зовут (как с включением России в «большую восьмерку»), делают это с настолько очевидной снисходительностью, что лучше бы и не звали. Что касается «бывших подчиненных» (как и «младших братьев» в СССР), то они теперь стали равными.

Естественно, что образ самого себя, сложившийся в сознании «бывшего начальника», отличается от его восприятия окружающими. Ему самому кажется, что он был очень хорошим «начальником», работал в поте лица, всю жизнь думал о других и был им действительно «старшим братом». Как индивиды, так и народы, создают героизированные версии собственных биографий-историй и забывают разного рода постыдные поступки. В русском сознании, и это совершенно «нормально», сохраняется память о русском героизме и великодушии, но нет памяти о русских преступлениях.

Тем более, действительно есть что вспомнить - в СССР Россия тоже многим поступалась и самоограничивалась. Некоторые акты такого вели-

кодушая сейчас не дают спать - отдали Крым и что получили взамен? Поэтому ситуация, в которой Россия оказалась после распада соцлагеря и СССР (ситуация «бывшего начальника»), естественно, воспринимается русским сознанием как несправедливая, а любое напоминание о новом соотношении статусов - как оскорбительное.

«Бывший начальник» всеми силами цепляется за «остатки статуса». И в этом («Россия была, есть и будет великой державой») СНГ играет громадную роль. Оно имеет для России не только и не столько «рациональную», сколько символическую и психологическую ценность, сохраняя пространство, где Россия - все же «главная», естественный лидер.

Отношение ее к бывшим советским республикам - это постоянное нервное вопрошание: «Ты меня уважаешь?». Членство же в СНГ - это нечто вроде ответа: «Да». То, что страны Балтии категорически не желали войти в СНГ, были взяты под покровительство Западом, вошли в НАТО и ЕС, надолго отравило их отношения с Россией. И здесь дело не в «угрозе» со стороны западных союзов, не в «угнетении русских». Прежде всего сказывается обида, удар по нашему самолюбию. На вопрос «Уважаете ли вы меня» нам ответили: «Не очень».

Азербайджан и Грузия тоже вначале попытались остаться вне СНГ. Однако поскольку они не имели западной «крыши» и были экономически значительно слабее, Россия смогла заставить их «себя уважать». Поддержка (или даже организация) государственных переворотов в этих странах, сепаратистских движений, Армении в армяно-азербайджанской войне - все это диктовалось не рациональными соображениями «геополитики» или «геоэкономики», а стремлением продемонстрировать себе и другим свою мощь, заставить с собой считаться, признать себя «главным».

Другие страны за Грузией и Азербайджаном не пошли, некоторые не только ответили «да» на упомянутый вопрос, но и без всякого вопроса стали заверять о любви и уважении к сильной державе. Вот за эти чувства России и приходится платить. За что платила Россия Белоруссии дешевым газом? За «любовь» - за то, что Белоруссия говорила о стремлении к единству с Россией. За «уважение» - за признание России главной, а русских - «старшими братьями», за отказ от языковой белорусизации. За «статус» - за то, что Россия ощущала себя не просто одной из стран, но главой некоего объединения.

Ценность СНГ для России - прежде всего психологическая и символическая, ценность СНГ для других стран-членов, скорее, инструментальная и «материальная». В СНГ можно получить некоторые гарантии от России. (Вступив в СНГ, Азербайджан и Грузия получили гарантии, что она не будет далее дестабилизировать у них обстановку. Гарантии для Украины и Казахстана заключались в том, что Россия не будет поддерживать русский сепаратизм, соответственно, в Крыму и на севере Казахстана, для Молдовы - в том, что Россия не отнимет у нее окончательно Приднестровье и т.д.).

Можно получить военную помощь в конфликте с другими соседями (Армения), охрану границы с непредсказуемым и опасным Афганистаном (Таджикистан), определенные экономические выгоды. Выйти же из СНГ и навлечь гнев России опасно. Это реальность для не полностью самостоятельных государств, хотя стремление к «самоутверждению» отталкивает их от СНГ подобно тому, как стремление России к самоутверждению побуждает ее удерживать эти государства в данном объединении.

Национальная память других народов о России - совсем иная, чем российское восприятие своего прошлого. («Бывшие подчиненные» видят своего «начальника» совсем не так, как он сам.) Для многих из них прошлое - это насильственное присоединение к России, восстания против нее, сопротивление русификации. И так же, как русское сознание помнит преимущественно благодеяния, оказанные «младшим братьям», так же и в сознании народов стран СНГ складывается зачастую столь же искаженная, но с противоположным знаком, мозаика их взаимоотношений с русскими. Образ Мазепы-предателя так же ложен, как и образ Мазепы - героя национально-освободительной борьбы.

Взаимоотношения с Россией в период существования СНГ во многом усилили эти негативные установки. Нет никакого сомнения, что образ России в теперешней Грузии - значительно хуже, чем он был в конце советской эпохи. (В Чечне же фактически создан целый эпос борьбы с русскими, на котором будет воспитываться не одно будущее поколение чеченских детей.)

Пребывание в СНГ - свидетельство сохраняющейся зависимости от прежнего «начальника», неполной «состоятельности» членов содружества как государств. Естественно, что по мере их укрепления и ослабления страха перед Россией стремление уйти от нее и из СНГ может только расти. Напротив, перспектива вступления в ЕС и НАТО сулит «повышение статуса», вхождение в клуб избранных. Для некоторых стран, например Грузии и Молдавии, она уже превратилась в нечто вроде «национальной идеи».

Не только разница «весовых категорий» стран-участниц, но и сложная и болезненная «психологическая структура» СНГ, разное и противоречивое символическое и психологическое значение организации для входящих в нее стран, противоположная направленность векторов их «самоутверждения» делает интеграцию в рамках данного объединения невозможной.

Интеграция стран, в которых конституции меняются, а президенты - нет

Существует и еще одно непреодолимое препятствие для интеграции, связанное уже не с разными «весовыми категориями» обществ и сложной структурой их взаимоотношений, а с характером обществ.

В ЕС объединяются страны с однотипными демократическими политическими структурами, основанными на разделении властей и на рота-

ции во власти разных политических сил. Главы государств и правительств, договаривающиеся о делегировании национальных полномочий наднациональным органам, не рассматривают это как личную катастрофу. Для них не страшны ни ограничение собственной власти, ни уход из нее по истечении срока полномочий

Уход не связан ни с разорением, ни с резкой утратой статуса, ни, тем более, с угрозами свободе и жизни; кроме того, они не лишаются шанса в будущем, снова возглавить свои государства или войти в руководящие наднациональные органы. При демократических режимах делегирование части властных полномочий наднациональным органам не отражается на личных интересах высших чиновников.

Среди политических режимов, возникших на постсоветском пространстве, можно выделить два типа. С одной стороны, в странах Балтии, сформировались европейские политические системы (и совершенно не случайно, что именно эти страны категорически с самого начала отказались вступать в СНГ и сейчас уже вошли в НАТО и ЕС). С другой стороны, в остальных государствах, утвердились режимы «безальтернативной» передаваемой по наследству личной власти президентов, лишь формально ограниченной конституциями.

Основа власти здесь - не право, а постоянное его нарушение (даже конституций, созданных президентами и фиксирующих их практически не ограниченные полномочия). Для глав таких государств покинуть свой пост (если только он не передается назначенному им преемнику) - катастрофа, ибо практически неизбежно расследование совершенных ими правонарушений и наказание в той или иной форме. Поэтому задача остаться у власти любой ценой для них диктуется не только властолюбием, но и инстинктом самосохранения.

Как же влияют такие политические структуры на перспективы интеграции?

В какой-то мере однотипность политических режимов способствует тому, что перед лицом общих или схожих угроз президенты СНГ создают общий «антиопозиционный фронт», свой «Священный союз». При падении одного из таких режимов вполне вероятен «эффект домино». Скажем, свержение Э. Шеварднадзе в Грузии оказало колоссальное влияние на многие страны СНГ, придав силы и надежду оппозиционерам. Поэтому президенты государств Содружества заинтересованы в стабильности власти «коллег». Какие бы противоречия между ними ни возникали, во всех трудных ситуациях борьбы с оппозицией они могут рассчитывать на понимание и помощь других президентов (прежде всего, разумеется, президента «главной» страны, России)⁵.

⁵ Совершенно стандартная ситуация: западные наблюдатели на разных выборах в странах СНГ обнаруживают многочисленные нарушения законов, а наблюдатели от стран СНГ никаких нарушений не обнаруживают.

Президенты понимают, что созданные ими политические системы делают невозможной интеграцию их стран в европейские структуры. Какие бы выгоды они ни смогли получить от сближения с Западом, его поддержка их власти может быть лишь очень ограниченной и временной. От Запада исходит угроза всякого рода «кучмагейтов» и «казахгейтов». От России же можно отдалиться, когда власть стабильна, и вновь сблизиться с ней, когда власть зашаталась или может зашататься под ударами оппозиции.

Однотипность президентских режимов в странах СНГ в какой-то мере способствует их интеграции и ограничивает альтернативу - подключение к ЕС. Однако характер этих режимов жестко лимитирует такую возможность интеграции: они не приемлют реального разделения властей внутри государства. Соответственно, не может быть и реального делегирования части национальной власти, олицетворяемой исключительно прерогативами президента, какому бы то ни было наднациональному органу, который ставил бы под угрозу президентскую «безальтернативность». Одно дело признать фактическую зависимость от России при сохранении свободы рук (и внутри страны, и в отношении той же России), и совсем другое - допустить создание институтов, которые пусть и в отдаленной перспективе могут лишить тебя власти.

Поэтому, хотя задачи сохранения власти и сближают президентов, порождают некую «интеграцию», как только эта «интеграция» достигает стадии, реально ограничивающей внутринациональную власть первых лиц и их кланов, она прекращается, и начинается обратное движение. Нагляднее всего это видно на примере наиболее далеко зашедшего по пути интеграции российско-белорусского союза. Как только возникла перспектива реального ограничения (а в более дальней перспективе - и утраты) власти А. Лукашенко, интеграция остановилась⁶.

В то же время будущее СНГ оказывается связанным с перспективами перехода стран Содружества к демократии. Обратной стороной «Священного союза» президентов стало то, что антипрезидентские оппозиции все чаще принимают антиэсэнгэвскую и антироссийскую направленность. В кризисных ситуациях президенты отправляются в Москву, а лидеры оппозиции - в американское посольство или в западные столицы. Для оппозиций в странах СНГ членство в нем - одновременно символ и неполного освобождения их стран от прежней зависимости, и политической системы, не допускающей их прихода к власти.

⁶ Судьба российско-белорусского сближения очень похожа на судьбу многочисленных в прошлом попыток объединения арабских стран с политическими режимами, схожими с нашими, «эсэнгэвскими». Притом, что оснований для интеграции в арабском мире вроде бы даже больше, чем в СНГ (есть даже идея «единой арабской нации»), каждый раз попытки объединения разбивались об одну и ту же преграду - в едином государстве не может быть двух полновластных президентов.

Тем не менее, стабильность президентских режимов ограничена, а переход к системе, основанной на ротации во власти разных политических сил, исторически неизбежен.

Ценность интеграционных иллюзий

Перечисленные препятствия интеграции стран СНГ, по моему убеждению, непреодолимы, в силу чего «проект» создания содружества по типу ЕС был обречен с самого начала. Однако это вовсе не значит, что существование СНГ лишено смысла. Напротив, оно уже сыграло и еще сыграет громадную положительную роль для всех входящих в него стран и, прежде всего, для России. Именно СНГ как «переходная форма» обеспечило единство имперского пространства и центральное доминирующее положение на нем России, содействовав ее адаптации (и других бывших советских республик) к новой реальности.

Внезапное изменение статуса - от великой державы к рядовому и далеко не самому влиятельному члену мирового сообщества - было очень болезненно для страны и породило в российском обществе острый невротический кризис. Его проявления - и всплеск шовинистических идеологических течений (В. Жириновский, Д. Рогозин и т.д.), и периодически возникающие (но быстро сходящие на нет) общенациональные истерии вроде «косовской» или «тузлинской», и многое другое. Однако без СНГ этот кризис был бы во много раз глубже и мог привести к катастрофическим последствиям как для России, так и для ее соседей. Сам факт существования Содружества умерял наш невроз и не давал проявиться его самым опасным формам.

В начале 90-х годов прошлого века были очень распространены разговоры о «веймарской» России, подобно веймарской Германии, пережившей поражение и мечтающей о реванше, а также о Германии, окруженной странами с крупными немецкими диаспорами. Имелось в виду стремление русских меньшинств воссоединиться с родиной, как и ее встречное стремление принять их вместе с их землями в свой состав. Еще больше аналогий в положении постсоветской России и Сербии.

Пограничные земли почти всех наших соседей частично заселены русскими. Во времена СССР, единого государства, формальная принадлежность земли той или иной национальной республике значила не так много. Сегодня же русские меньшинства в новых независимых странах если прямо не угнетаются, то, во всяком случае, потеряли прежний статус, и их положение ухудшилось. В них возникают ирредентистские (объединительные) движения, получающие поддержку в России. Перспектива превращения Казахстана в аналог Боснии, а Украины - в аналог Хорватии в начале 90-х годов была вполне реальной. О страшных последствиях такого развития событий можно не говорить - они очевидны.

Тем не менее, по пути Германии и Сербии Россия не пошла. Она активнее поддерживала нерусские сепаратистские движения (прежде всего в Грузии), чем русские. Единственное мощное, поддержанное Россией русское сепаратистско-ирредентистское движение возникло именно там, где в силу чисто географических причин (отсутствие общих границ) вступление России в войну на стороне этого движения было невозможно, - в приднестровской Молдове.

Почему же Россия не повторила путь веймарской Германии или постюгославской Сербии? Одна из причин - наличие СНГ. Каким бы противоречивым и утопическим ни было (и в значительной мере остается) российское сознание, все-таки было понимание того, что нельзя требовать от Украины возвращения Крыма или от Казахстана - северных населенных русскими территорий и одновременно рассчитывать на сохранение ими членства в российско-центричной организации СНГ. Именно ценность Содружества для России не позволяла ей пойти по веймарско-сербскому пути.

СНГ смягчило шок от распада СССР и утраты прежнего статуса. Оно дало и дает России (и другим республикам) время адаптироваться к новым реалиям. При всей болезненности теперешнего российского сознания и всей противоречивости российского развития сегодняшняя РФ - более «успокоившаяся» страна, более правильно воспринимающая мир и свое место в нем, чем более свободная, но в любой момент готовая сорваться в истерику Россия начала 90-х годов. И отношения с другими странами СНГ стали спокойнее, ответственнее, рациональнее.

В этом громадное и неоценимое историческое значение СНГ.

Переходное образование

СНГ - переходное образование, идеально соответствующее переходному состоянию обществ, входящих в него: еще не правовых и демократических, но уже не тоталитарных, еще не готовых к интеграции в руководящиеся правом международные объединения типа ЕС, но уже способных к самостоятельному существованию.

Переход стран СНГ к демократическим системам, основанным на ротации власти, очевидно, в конечном счете, неизбежен, хотя он, несомненно, будет сопровождаться острыми политическими кризисами и в разных странах совершится в разное время и в разных формах. (Ясно, что в Украине он произойдет раньше и легче, чем в России, а в России - раньше и легче, чем в Туркмении.) Этот переход будет сопровождаться устремлением государств в ЕС и НАТО и будет означать конец СНГ. Собственно, для того, чтобы он наступил, достаточно победы оппозиции в Украине, которая может произойти очень скоро. Россия начнет терять одного партнера по Содружеству за другим, а границы Европы вплотную приблизятся к нашим. Что это будет значить для России?

Распад СНГ станет для нее новым потрясением, хотя значительно меньшим, чем распад СССР. Какие-то невротические реакции при этом, конечно, вполне возможны, но психологически россияне к распаду Содружества готовы больше, чем некогда к распаду СССР. Однако в целом, по нашему мнению, распад СНГ будет способствовать превращению России в «нормальное» демократическое государство. К факторам, стимулирующим демократическое преобразование, этот распад добавит еще один - «геополитический».

Россия - громадная страна только в сравнении с партнерами по СНГ. Если забыть о ее территории, то в мировом масштабе она совсем не такая уж большая, особенно относительно соседних ЕС и Китая. Остаться одной, вне союзов, для нее означает превратиться в буферное пространство, «санитарный кордон» между западным миром и Китаем, а также между западным и непредсказуемым мусульманским мирами. Эта перспектива вполне удовлетворяла бы и Китай, и Запад, однако никак не нас. Не говоря уже о негативных экономических аспектах такой изоляции, ситуация «буфера» очень уязвима под углом зрения безопасности.

Для оставшейся одной России есть единственный шанс избавиться от столь опасной перспективы. Это - вступление в западные союзы. Как ни труден для страны полный отказ от претензии на «великодержавность» и лидерство в каком-либо объединении, от надежд вернуть роль «начальника», как ни трудно ей поступиться значительной частью суверенитета, в конечном счете, сделать это необходимо. Альтернатива настолько плоха, что ее, можно сказать, и нет.

Дверь в западные союзы теоретически для нас открыта. Тем не менее, вступление России в ЕС было бы трудным не только для нее. Впрочем, сейчас это просто немыслимо. Россия - страна неудобная. Она - слишком мала, чтобы быть независимым центром силы, как Китай или Индия, но слишком велика, чтобы ее было легко интегрировать в такую структуру, как ЕС. Дай Бог ему сначала «переварить» Польшу и Венгрию, затем - Болгарию и Румынию. Далее у него - совсем трудная перспектива «переваривания» Турции и Украины.

Россия - кусок, который сейчас ЕС «не по зубам». Однако лет через двадцать ЕС станет значительно больше, а Россия останется прежней. Численность ее населения при любом варианте демографического развития сократится. Правда, степень готовности россиян к европейским формам жизни будет все же выше, чем сейчас. Сегодня Россия - вообще «неперевариваемый» кусок, а в будущем - только «трудно перевариваемый», вроде теперешней Турции.

Вступление в ЕС и НАТО, однако, возможно лишь в случае, если внутренняя организация российского государства станет совместимой с организацией западных стран. Переход к демократии в России, как и везде, может происходить только в результате собственного развития, постепенного «взростания» общества. Между тем геополитическое «одиночест-

Д. Фурман

во», усиливающаяся потребность обезопасить себя от непредсказуемых соседей на юге и избежать роли буферного образования, войдя в сообщества стран Запада, будут подталкивать к этому переходу, создавать дополнительные стимулы к нему и могут его облегчить. Именно так страх «непредсказуемой» России и страх оказаться в «серой» буферной зоне толкал к западным союзам страны Центральной Европы и Балтии, способствовал их демократическому развитию.

Модернизация, переход к демократии - всегда и везде (кроме немногих стран, где их облегчали специфические культурные особенности) - процессы медленные, трудные и болезненные. Даже для такой страны, как Франция, они заняли, начиная с Великой Французской революции, более полутора сотен лет, в течение которых были и террор, и войны, и неустойчивые республики, и реставрации, и диктатуры.

Переход к современной демократии бывших народов Российской империи быстрее и проще быть не может. Однако путь, который нам осталось пройти, неизмеримо меньше, чем тот, который мы уже прошли. Перейти к реальной демократии от современных режимов «безальтернативных» президентов неизмеримо проще, чем от коммунистической системы (и тем более - от самодержавия). Поэтому распад СНГ будет менее болезненным, чем распад Российской империи или СССР.

Содружество - вторая после СССР переходная форма организации «российского имперского пространства», соответствующая теперешнему уровню развития и внутреннего устройства стран-членов. При достижении адекватного состояния демократии она должна смениться совсем иными формами межгосударственных отношений (очевидно, теми, которые будут приняты в то время в объединенной Европе). Пока же СНГ еще явно не исчерпало свои возможности и не выполнило до конца свои функции. «Списывать» его еще рано.